

A young boy with dark hair and a serious expression stands in the center of a dimly lit library. He is wearing a long, dark navy blue or black robe with a high collar and a zipper down the front. The robe is decorated with intricate white or silver embroidery, featuring swirling, flame-like patterns on the chest and cuffs. The background consists of tall wooden bookshelves filled with numerous books. To the right of the boy, a tall, ornate brass lamp with a single flame is lit, casting a warm glow. The overall atmosphere is mysterious and scholarly.

Леся Шу

Тишъ

Леся Шу Тишь

<https://litres.ru/74615422>

SelfPub; 2026

Аннотация

городе Кромка магия — это не волшебство, а обмен. За каждое чудо нужно чем-то заплатить: воспоминанием, любимой песней, умением смеяться. Хочешь зажечь огонь — отдай что-нибудь дорогое. Так устроен мир, и все давно к этому привыкли.

Все, кроме Яси.

Тринадцатилетняя Яся живёт в приюте, дерётся с мальчишками и не помнит ничего о себе — ни имени матери, ни дома, ни того, почему у неё нет залогового камня. А ещё она умеет колдовать, ничего не отдавая

Это кажется подарком. Но когда Яся тянет Нить, ей снятся чужие сны: низкая комната, зелёный абажур, дождь за окном и тёплые руки, которые застёгивают ей куртку. Кто эта женщина? И почему после каждого чуда Яся забывает что-то из своей жизни — тихо, по кусочку, как будто кто-то невидимый берёт с неё плату?

Чтобы узнать правду, Ясе придётся спуститься туда, куда не ходят взрослые, найти друзей — ворчливого Гришу и гордую Лиду — и встретить очень спокойного человека, который никогда не повышает голос и искренне верит, что делает добро

**Леся Шу
Тишъ**

Глава 1

ГЛАВА 1. ПУСТАЯ

В Кромке пахло солью, ржавчиной и жареным луком — и все три запаха дрались между собой, как псы на привязи.

Яся Ольхова шла по Верхнему ярусу, прижимая к груди деревянный ящик с печатью Меры. Внутри, в гнезде из войлока, лежал залоговый камень — серый, величиной с кулак, тёплый, как живой. Яся знала, что камни тёплые. Она таскала их четвёртый год подряд и давно перестала спрашивать, что внутри.

— Не тряси, — сказала она себе под нос. — Трясёшь — значит, интересуешься. А интересуешься — значит, полезут.

Ящик не отвечал. Камни вообще редко отвечали.

Утро выдалось ясное, и Кромка сверкала, как мокрый камень на солнце. Город спускался вниз ярусами — Верхний, где жили счётчики и торговцы рыбой; Средний, где пахло варёной требухой и краской; Нижний, куда Яся старалась не ходить без нужды. А под всем этим — Прорва. Чёрная воронка в сердце города, такая широкая, что противоположный край терялся в дымке.

Если долго стоять у парапета и слушать, можно было услышать, как гудит Нить. Яся слышала её всегда, даже когда не слушала. Как будто в соседней комнате кто-то тихо держал одну ноту на виолоне. Иногда нота была тёплая. Иногда — злая.

Сегодня она была никакая. Просто гудела.

— Эй! Рыжая!

Яся обернулась. Из переулка вывалился Костик, приютский, мелкий, с разбитой губой.

— Чего? — сказала Яся.

— Там это... — Костик задохнулся. — Там девчонка на лесах. У Мельника. Сорвалась.

Яся не помнила, как поставила ящик. Просто в какой-то момент он стоял на земле, прислонённый к тумбе, а она уже бежала.

Леса стояли у стены старой сушильни — три этажа кривых досок, перевязанных верёвкой. Наверху, вцепившись в перекладину, висела девочка лет семи. Пальцы скользили. Под ней — восемь метров и булыжник.

Внизу уже собралась толпа. Никто не двигался. В Кромке всегда так: сначала смотрят, потом думают, потом зовут Меру. Порядок важнее человека.

Яся не думала вообще.

Она остановилась, вдохнула и почувствовала Нить — как всегда, под левой ключицей, тонкую, натянутую, тёплую. Она не знала, как это объяснить. Это было похоже на то, как если бы у тебя в груди была струна, а ты знал, что если потянуть — мир подастся.

Она потянула.

Нить зазвенела.

Девочка упала — но не вниз. Она поехала вбок, медлен-

но, будто проваливаясь сквозь воду, и мягко легла на кучу прелой соломы у стены. Солома даже не разлетелась.

Толпа выдохнула.

Яся стояла, тяжело дыша, и чувствовала, как по левой ладони расползается холод. Так бывало всегда. Залог — это холод. Сначала в ладони, потом в груди, потом внутри пусто. Ты платишь.

Она подождала.

Холод прошёл.

Яся посмотрела на ладонь. Обычная ладонь. Она попробовала вспомнить, что потеряла. Так всегда делают: после залога надо честно проверить, что у тебя забрали. Какое-нибудь мелкое воспоминание — вкус чего-нибудь, цвет чего-нибудь.

Она перебрала: вкус хлеба — есть. Запах дождя — есть. Имя приютской кошки — Мурза, есть. Песня, которую пела тётя Нюра, когда развешивала бельё, — есть, даже с припевом.

Ничего не пропало.

Яся потрясла головой. Так не бывает. Она потянула Нить — сильно, по-настоящему, — и не заплатила.

И тут у неё в висках что-то щёлкнуло.

На четверть секунды она увидела не рынок, не толпу и не леса. Она увидела комнату. Низкую, с зелёным абажуром. Дождь стучал в окно, и чьи-то руки — женские, с тонкими пальцами и кольцом на безымянном — застёгивали ей курт-

ку. Пахло мокрой шерстью и чем-то тёплым, вроде молока с мёдом.

А потом кто-то тихо засмеялся. Не зло. Просто тихо. Комната исчезла.

Яся стояла на рынке, и её трясло.

— Ты чего? — спросил Костик.

— Ничего, — сказала Яся. — Ничего.

Из толпы уже пробирались двое. Яся узнала их сразу: серые плащи с серебряной ниткой по подолу, а на груди — молоток и весы. Мера.

Счётчики.

Они не бежали. Счётчики никогда не бегут. Они шли ровно, как люди, которым платят за спокойствие.

Первый — сухой мужчина с бородкой, — достал из сумки книгу. Не бумажную. Каменную. Тонкую плитку, на которой сами собой проступали строчки. Второй, молодой, смотрел на Ясю так, как смотрят на что-то, что надо будет потом описать в отчёте.

— Кто тянул? — спросил бородатый.

Толпа расступилась. Яся осталась одна.

— Я, — сказала она.

— Имя.

— Яся Ольхова. Приют на Сваях.

Счётчик провёл пальцем по каменной странице. Строчки поползли, зашевелились, как черви. Он искал.

Он искал долго.

— Ольхова... Ольхова... — бормотал он. — Приют... найдёныш... семь лет назад...

Он замолчал.

Молодой заглянул ему через плечо. Оба уставились в книгу.

Яся вытянула шею. И увидела.

В каменной странице, между двумя записями — «Ольгин, Тихон, залог: слух, срок: 4 года» и «Ольшанский, Пётр, залог: имя матери, срок: 11 лет», — была пустая строка. Ровно одна. Как будто кто-то аккуратно вырезал строчку и оставил дырку.

В дырке стояла одна буква.

В.

Бородатый счётчик закрыл книгу. Резко. Так резко, что камень щёлкнул.

— Ошибка, — сказал он. — Реестр повреждён.

— Тут написано «В», — сказала Яся. — Я видела.

— Реестр повреждён, — повторил счётчик, и голос у него был уже не такой спокойный. — Ты пойдёшь с нами.

— Куда?

— В Меру. Для уточнения.

Яся сделала шаг назад. Не потому, что боялась Меры. Просто если взрослый говорит «для уточнения» — беги.

И тут между ними встала женщина.

Она появилась так тихо, что Яся даже не заметила, откуда. Серая куртка, седые волосы, собранные на затылке, и глаза

— бледные, как разбавленное молоко. На левой руке у неё была перчатка. Только на левой. И Яся почему-то сразу поняла, что под перчаткой нет руки.

— Доброе утро, счётчики, — сказала женщина.

Бородатый дёрнулся.

— Магистра Северин.

— Она пойдёт со мной, — сказала Северин. — Не с вами.

— Мера имеет право на первичный осмотр...

— Мера имеет право на всё, — согласилась Северин. —

И всё же она пойдёт со мной. Потому что если вы заберёте её в Меру, к вечеру о ней будет знать весь Нижний ярус, а к утру — Немые. А мне бы не хотелось, чтобы Немые узнали о девочке, которая тянет Нить без залога, раньше меня.

Повисла тишина.

Молодой счётчик открыл рот. Бородатый положил ему руку на плечо.

— Это нарушение, — сказал он.

— Запишите, — кивнула Северин. — У вас же книга.

Счётчики ушли. Толпа начала рассасываться — быстро, как всегда, когда становится скучно или страшно.

Северин повернулась к Ясе.

Она смотрела долго. Не на лицо — на левую ладонь. Яся невольно сжала руку в кулак.

— Покажи.

— Зачем?

— Потому что я старая и мне можно, — сказала Северин.

Яся разжала пальцы.

Северин взяла её руку — правой, единственной, — и повернула к свету. Долго молчала. Потом отпустила.

— Как тебя зовут?

— Яся.

— Яся, — повторила Северин. — Скажи, Яся. Когда ты потянула Нить, ты что-нибудь отдала?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— И что ты почувствовала?

Яся заколебалась. Про комнату она не рассказывала никому и не собиралась.

— Холод, — сказала она. — В ладони.

— Холод — это знак залога, — сказала Северин. — Знак. Не сам залог. Холод приходит всегда. А вот что уходит...

Она замолчала. Посмотрела на Прорву — туда, где город обрывался в чёрную воронку.

— Яся, — сказала она наконец. — Так не бывает. Нельзя тянуть Нить и не платить. Нить — не река, из которой можно черпать ведром. Нить — это долговая книга. Кто-то всегда платит. Всегда. Вопрос только — кто.

У Яси по спине поползло холодом.

— Значит...

— Значит, — сказала Северин, — кто-то платит за тебя. Давно. И, судя по тому, что ты жива и не превратилась

в Тень, платит много.

Она отвернулась и пошла к лестнице, ведущей вниз, к Среднему ярусу. Через несколько шагов обернулась.

— Ты идёшь?

— Куда?

— В Заруку, — сказала Северин. — В училище. Где учат не быть должником.

Яся стояла. Ящик с залоговым камнем так и остался стоять у тумбы, забытый. Костик куда-то исчез. Девочка, которую она спасла, ревела в объятиях матери — живая, целая.

Обычная жизнь продолжалась.

А Яся почему-то знала, что в обычную жизнь ей теперь нельзя.

— А если я откажусь? — спросила она.

Северин не улыбнулась.

— Тогда тебя найдут другие, — сказала она. — И вот они-то не будут спрашивать, что ты хочешь.

Она снова пошла вниз. Перчатка на левой руке висела пустая, и Яся вдруг отчётливо поняла: под ней нет не только руки.

Под ней нет ничего. И Северин не считает это потерей.

Яся догнала её через три ступени.

Они спускались по длинной лестнице — Верхний ярус, потом Средний, потом ещё ниже, к самой кромке Прорвы, туда, где стояло здание Заруки. Яся видела его раньше, но издалека: длинное, серое, без окон на первом этаже, с чёрными

решётками на верхних. Она всегда думала, что это тюрьма.

Оказалось, тюрьма.

По дороге Северин не сказала ни слова. Только у самых ворот остановилась и спросила:

— Ты видела что-нибудь, когда тянула?

Яся молчала.

— Не ври, — сказала Северин. — Пожалуйста. Враньё — это роскошь, которую могут позволить себе люди с полной памятью.

Яся посмотрела на неё. На седые волосы. На пустую перчатку. На глаза, которые не спали двадцать лет и не собирались начинать.

— Комнату, — сказала она. — Зелёный абажур. Дождь. Женщина застёгивала мне куртку.

Северин закрыла глаза. На секунду. Всего на секунду. Но Яся успела заметить, как у неё дёрнулась щека.

— Магистра?

— Ничего, — сказала Северин и толкнула ворота. — Просто я думала, что это будет кто-нибудь другой.

— Кто?

Северин не ответила.

Ворота Заруки закрылись за ними с глухим стуком, и Яся впервые в жизни почувствовала, что Нить под её ключицей не просто гудит.

Она дрожит. Как дрожит человек, который узнал чей-то голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.